Посвящается 95-летию
Александра Львовича Маковского

От издательства

Цель настоящей серии видится ее инициаторам в том, чтобы познакомить возможно более широкий круг читателей – правоведов, юристов-практиков, историков, а также всех тех, кто живо интересуется правовой проблематикой и историей права, с замечательными, однако давно, иногда более столетия, не переиздававшимися произведениями российской цивилистики и тем спасти их от незаслуженного забвения.

Выпуску книг предшествует серьезная научно-организационная и редакционная подготовка, проводимая на базе издательства «Статут». Редколлегия серии руководствуется при отборе книг для публикации прежде всего критериями научной ценности и актуальности, видит главную задачу в сохранении идентичности текстов оригинала и современного издания, стилистических особенностей языка времени создания произведения. Все книги серии снабжены научными предисловиями, многие – приложениями и материалами справочного характера, в том числе отзывами и рецензиями современников автора.

С 2024 года генеральным партнером серии стала юридическая фирма «Кучер, Кулешов, Максименко и партнеры» (ККМП). Благодаря этому сотрудничеству издательство имеет возможность не только пополнять серию новыми книгами, но и по мере необходимости переиздавать, а значит, возвращать в научный оборот те из них, которые оказались наиболее востребованы современными читателями. Результатом этой работы станет восстановление в актуальном издательском портфеле «Статута» более 60 книг серии «Классика российской цивилистики», начало которой было положено в 1997 году.

КЛАССИКА
РОССИЙСКОЙ
ЦИВИЛИСТИКИ

Е.А. Флейшиц

Избранные труды по гражданскому праву

В двух томах

2-е издание, исправленное

Том 2

Москва – 2025

СТАТУТ

ККМР
LEGAL

УДК 347
ББК 67.404
Ф71

Серия основана в 1997 г.

Председатель редакционной коллегии серии
д-р юрид. наук, проф. **Е.А. Суханов**

Редакционная коллегия серии:
д-р юрид. наук, проф. **В.В. Витрянский**
д-р юрид. наук, проф. **П.В. Крашенинников**
канд. юрид. наук., доц. **А.Н. Кучер**
А.Г. Долгов
канд. юрид. наук, доц. **А.В. Ем**

Ответственный редактор тома
д-р. юрид. наук., проф. **А.Л. Маковский**

Флейшиц, Екатерина Абрамовна.

Ф71 Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. / Е. А. Флейшиц. – 2-е изд., испр. – Москва : Статут, 2025. (Классика российской цивилистики.)

ISBN 978-5-8354-2133-6 (в пер.)

Т. 2. – 720 с.
ISBN 978-5-8354-2135-0

Работы Е.А. Флейшиц, вошедшие во второй том, – свидетельство энциклопедичности ее знаний, обширности ее научных интересов и глубокой заинтересованности в создании гражданского права «с человеческим лицом». Среди публикуемых в этом томе произведений Е.А. Флейшиц о праве собственности и о договорах, наследственном и семейном праве главное место занимают работы об обязательствах из причинения вреда (в числе которых большая часть написанного ею тома «Курса советского гражданского права») и об иностранном гражданском и торговом праве – области, в которой она была ведущим отечественным исследователем. В работах Е.А. Флейшиц, помещенных в этом томе, отчетливо видна ее гражданская позиция, ее борьба за свои убеждения – за право женщины стать адвокатом, за полное возмещение вреда семьям, потерявшим кормильца, и рабочим, получившим увечье на производстве, об ответственности власти за причиненный ею вред, в том числе за вред, причиненный действиями органов дознания, следствия, прокуратуры и суда. Эти работы свидетельствуют и о вкладе Е.А. Флейшиц в борьбу с пресловутой «теорией хозяйственного права».

УДК 347
ББК 67.404

ISBN 978-5-8354-2135-0 (т. 2)
ISBN 978-5-8354-2133-6

© А.Л. Маковский, вступ. ст., составление, 2015
© О.Ю. Шилохвост, список науч. тр., 2015
© Редподготовка, оформление, переиздание. Издательство «Статут», 2025

Начало жизненного пути

Заслуженный деятель науки РСФСР, профессор и доктор юридических наук, автор известных монографий по различным отраслям советского гражданского права, знаток буржуазной цивилистики, истории римского и дореволюционного русского права, авторитет в области общей теории права, активнейший участник кодификации гражданского законодательства Советского Союза и Российской Федерации Екатерина Абрамовна Флейшиц начала свой жизненный путь совершенно необычно. Она была первой в России женщиной-адвокатом, причем ее единственное появление в суде в роли адвоката имело такой общественный резонанс и сыграло такую роль в истории суда, что оно заслуживает быть темой исследования.

Но прежде чем перейти к описанию названного события, вспомним те жизненные обстоятельства, которые определили такую необыкновенную судьбу.

Е.А. родилась 16 (28) января 1888 г. в г. Кременчуге Полтавской губернии в семье известного адвоката А.П. Флейшица.

Семья оказала на формирование личности Е.А. огромное влияние. Отец заронил в ее душе интерес и уважение к праву, презрение к страху перед начальством, отвращение к произволу. Его выступления как адвоката и прогрессивная деятельность в органах городского самоуправления показали ей, как много можно сделать для людей, защищая попираемое право.

Е.А. получила среднее образование в кременчугской женской гимназии, в которой она резко выделялась острым умом, поразительной памятью, редкой одаренностью. В 1904 г. она закончила гимназию с золотой медалью. В то же время Е.А. не была «примерной ученицей». Она еще в самой ранней юности протестовала против гимназической рутины, в последнем же, восьмом, классе явилась организатором кампании против учителя словесности, оскорбившего единственную в гимназии дочь рабочего.

По окончании гимназии Е.А. хочет получить высшее образование и овладеть профессией отца. Это совершенно необычное для женщины того времени намерение встречает полную поддержку семьи. Но русские юридические высшие учебные заведения были закрыты для женщин.

Осенью 1904 г. Е.А. в возрасте 16 лет направляется во Францию (где для женщин университеты были открыты еще с 1868 г.) и поступает на юридический факультет Парижского университета. Здесь она оказывается в студенческом Латинском квартале, в его русской колонии, в атмосфере политической борьбы. В это время весь интерес той среды, где жила Е.А., был сосредоточен на событиях, происходящих в России. Здесь она имела счастье слышать В.И. Ленина, здесь она слышала Плеханова, Луначарского.

Русскую учащуюся молодежь волновала также борьба партий на выборах в парламент Франции, она рвалась на митинги с участием Жореса и других крупных политических ораторов. Приехав в Париж из русского провинциального города, Е.А. была потрясена количеством книг, которые открылись ее взору, людьми с такими знаниями, широтой интересов и масштабом деятельности, подобных которым она ранее никогда не видела. Разнообразие мнений и взглядов вызвало у нее желание самой разобраться в происходящих событиях общественной жизни, узнать и понять прежде всего то, что касалось русской революции. И если на первых порах студенты-французы посмеивались над молоденькой русской провинциалкой, которая всему удивлялась и всем восхищалась, то весьма скоро пришла пора удивляться ее одаренности, исключительной памяти и успехам в учении.

Через три года, в 1907 г., Е.А. заканчивает Парижский университет с высшим отличием со степенью *Licencié en droit* (соответствующей кандидату прав) и в возрасте 19 лет полная надежд на будущее направляется в Петербург, чтобы занять достойное место на судебной арене. Но неприветливо встретила ее столица. Е.А. вернулась в Россию в самое черное время, когда в стране царила реакция.

Е.А. предъявила диплом Парижского университета и просила о зачислении ее в сословие помощников присяжных поверенных, но ей отказали на том основании, что такое право дает только диплом императорских российских университетов. Это не остановило Е.А., и она тут же обратилась в Петербургский университет с прошением о разрешении ей сдать экстерном экзамены за юридический факультет. Но оказалось,

что и здесь ситуация сложилась для нее крайне неблагоприятная. Столыпинский министр просвещения А.Н. Шварц, грубейшим образом нарушавший университетскую автономию, подавляя революционный и даже просто либеральный дух, поставил в годы реакции Совет Петербургского университета на колени. Понятно, что в этих условиях Совет не мог и не желал удовлетворять такую необыкновенную просьбу, с которой к нему обратилась Е.А., и рекомендовал ей адресоваться непосредственно к министру просвещения. Но и последний нашел, что для него дело слишком необычное и объяснил, что прошение Е.А. должно быть представлено на «высочайшее благовоззрение».

Требование сдачи экзамена по латинскому языку за курс мужской гимназии как обязательное условие для того, чтобы прошение было принято, Е.А. выполнила в течение двух месяцев. И вот, наконец, Е.А. получает сообщение, что ей «высочайше разрешено, по представлению министра народного просвещения, подвергнуться испытанию в юридической испытательной комиссии при Санкт-Петербургском университете». В течение одного года и двух месяцев Е.А. проходит весь четырехлетний курс университета (далеко не совпадающий с курсом Парижского университета), а сдача всех экзаменов занимает у нее всего девять недель. Притом ответы на экзаменах оцениваются не только как отличные, но по ряду предметов являются памятными.

Весной 1909 г. Е.А. получает диплом I степени юридического факультета Петербургского университета, а 30 октября того же года Е.А. достигает, наконец, цели: Совет присяжных поверенных округа Петербургской судебной палаты выдал ей установленное свидетельство помощника присяжного поверенного.

Почти тут же, 5 ноября 1909 г., Е.А. села на скамью присяжных в XI отделении Петербургского окружного суда по делу Пантофилова и его товарищей, обвиняемых в краже бильярдных шаров из ресторана.

Это значительное в жизни Е.А. событие неожиданно выступило и как существенное явление в истории русского суда и общественной жизни.

Опишем его словами корреспондентов газет и других лиц, присутствовавших на процессе. К. Энгер в фельетоне «Первое выступление женщины-адвоката»[1] отмечает именно «огромное принципиальное значение» этого процесса, связанного с первым признанием судом

[1] «Биржевые ведомости», СПб., 6 ноября 1909 г.

права женщины на защиту в уголовном деле. Поэтому скромному и незаметному делу о краже бильярдных шаров «суждено быть занесенным в анналы истории не только русского судебного процесса, но и русской общественной жизни».

Мы узнаем из фельетона, что «день первого дебюта первой русской женщины – помощника присяжного поверенного хранился в большом секрете во избежание каких-либо подготовительных действий». Тем не менее зал заседания суда, где должно было слушаться данное дело, постепенно стал заполняться адвокатами, прокурорами, курсистками-юристками.

Всеобщее внимание привлекла прежде всего внешность Е.А. и первое впечатление, произведенное ею на суд. И то и другое имело значение при последующем обсуждении законопроекта о допущении женщин к защите.

Итак, по словам К. Энгера, «г-жа Флейшиц в черном скромном платье заняла свое место в ряде других защитников». Один из них, а именно Адамов, в свою очередь делится впечатлениями о молодой адвокатессе: «Появление рядом со мной на скамье защиты женщины-адвоката меня приятно удивило... Г-жа Флейшиц, одетая в скромное черное платье, произвела, как на меня, так и на моих коллег, самое благоприятное впечатление»[1].

Открыв судебное заседание, председательствующий Н.Н. Таганцев (сын крупного криминалиста проф. Н.С. Таганцева), выполнив необходимые формальности, предоставил слово товарищу прокурора Ненарокомову для того, чтобы он высказал свое мнение о праве женщины вести уголовную защиту. «Для товарища прокурора выступление г-жи Флейшиц, по-видимому, не являлось неожиданностью, – отмечает К. Энгер, – ибо в своей речи он представил подробный, заранее подготовленный анализ существующих законоположений о правах женщины в суде». Речь Ненарокомова длилась около часа. «Не встречая нигде прямого запрещения для женщин выступать защитником, – комментирует его речь К. Энгер, – товарищ прокурора путем филологических изысканий текста закона приходит, однако, к выводу, что если закон определенно не оговаривает разрешения женщине выступать защитником, то этим самым он запрещает это». Например, один из законов говорит о «*жене*» присяжного поверенного. Отсюда вытекает, что закон имеет в виду в качестве

[1] «Русское слово», М., 7 ноября 1909 г.

присяжного поверенного лишь мужчину. «Свидетельству, выданному на звание помощника присяжного поверенного г-же Флейшиц Советом присяжных поверенных, он придает мало значения, приравнивая случай выдачи свидетельства женщине к случаю выдачи свидетельства умалишенному, несовершеннолетнему, ограниченному в правах!»

Е.А. в предоставленном ей затем для объяснения слове, по свидетельству корреспондентов, весьма кратко и без всякой аффектации указывает, что закон, устанавливая список лиц, которым запрещено участвовать в качестве защитников на суде, не называет женщин, а по ее мнению, то что не запрещено – разрешено. Поэтому Е.А. просит суд допустить ее к защите в данном деле, причем ее ходатайство поддерживается другими адвокатами, участвующими в процессе.

Суд удаляется на совещание, а в это время, сообщает К. Бецкий[1], «зал заседания представлял крайне оживленную картину. С одной стороны, многочисленные адвокаты, подвергающие уничтожающей критике заключение Ненарокомова, с другой стороны – вся прокуратура СПб. окружного суда, тесной кучкой столпившаяся вокруг Ненарокомова. Тут же художник, рисующий редкое зрелище».

Суд совещается более получаса и приходит к выводу о возможности допустить Е.А. Флейшиц в качестве защитника по данному уголовному делу. Доводы товарища прокурора Ненарокомова о неправомерности выступления женщин в качестве помощников присяжных поверенных суд отводит тем, что в данном случае речь идет «не о допущении г-жи Флейшиц в качестве помощника присяжного поверенного, а о предоставлении ей тех прав, которые принадлежат всем правоспособным гражданам, независимо от того, состоят они в адвокатуре или нет». Таким образом, суд перенес весь вопрос совсем в иную плоскость. Это было поистине Колумбово решение!

Затем наступает самый кульминационный момент всего процесса. Ненарокомов объявляет, что «считает присутствие суда ввиду его постановления незаконным, а потому участвовать в нем не может». Нарушая установленный законом порядок, согласно которому прокурор даже при неправильном, с его точки зрения, определении суда должен продолжать выполнение своих обязанностей по данному делу, Ненарокомов складывает бумаги в портфель и демонстративно быстрым шагом направляется к выходу. Случай беспрецедентный!

[1] К. Б е ц к и й, Кража из ресторана бильярдных шаров («Речь» от 7 ноября 1909 г.).

Присяжный поверенный Адамов выражает величайшее возмущение незаконным поступком прокурора. После этого Н.Н. Таканцев обращается к Е.А. с вопросом, не намерена ли она отказаться от защиты, на что последняя ответила отрицательно. Тогда председательствующему не остается ничего другого как за отсутствием законного состава суда (из-за ухода прокурора) заседание закрыть. Судьи один за другим встают и, даже не совершив необходимые формальности, молча, в явной растерянности удаляются.

«Заседание кончилось, – говорит очевидец К. Бецкий, – но в кулуарах еще долго обсуждался инцидент, который несомненно войдет яркой страницей в историю русской прокуратуры».

Во время этого эпизода Е.А. держала себя с достоинством и выдержкой, изумительной для девушки, не достигшей 22-летнего возраста. Когда вокруг нее собралась толпа, она, «скромно улыбаясь», сказала, что «добьется разрешения выступить на суде»[1].

Но какая пропасть легла в жизни Е.А. между началом и концом дня 5 ноября 1909 г.! Утром – казалось бы, полное свершение надежд, вечером – такое же полное их крушение. Думала ли она, что ее скромное желание вложить свой труд, свои силы и свои знания в дело правосудия вызовет такой отпор? Предполагала ли, что станет объектом борьбы реакционных и прогрессивных сил, что ей предстоят еще дальнейшие испытания.

А назавтра, 6 ноября, жилище потрясенной молодой адвокатессы атакуют сонмы шумных корреспондентов петербургских, московских и крупнейших провинциальных газет.

И еще через день, 7 ноября, в первый морозный ясный день установившейся зимы, воздух оглашается криками разносчиков газет, оповещающих столицу о новостях дня. Здесь наряду с сообщениями о роспуске непослушного финляндского сейма, о полете вдоль ограды Петербургского ипподрома на высоте до 10 метров (!) французского летчика Гюйо повсеместно разносилась сенсационная весть: «первая женщина-адвокат», «прокурор убежал от женщины-адвоката». Под такими и похожими названиями можно было прочитать о событии 5 ноября в петербургских газетах. В тот же день ночные телеграммы и телефонные передачи донесли эту новость до всех газет Москвы, а затем она покатилась по всей России. Харьковское «Утро», «Киевская

[1] «Петербургская газета» 7 ноября 1909 г.

почта», «Одесская почта», «Одесский листок», «Одесские новости», новороссийская «Черноморское побережье», казанские «Камско-Волжская речь», «Приволжский край», «Волжский вечер», томская «Сибирская жизнь», иркутские «Сибирь», «Сибирский еженедельник» и многие другие газеты откликнулись на выступление женщины-адвоката. Газеты возвращались к выступлению Е.А. Флейшиц неоднократно. Ряд из них посвятил женской адвокатуре и «выступлению г-жи Флейшиц» передовые статьи, некоторые организовали интервью с участниками процесса Пантофилова, а также с видными общественными деятелями, многие перепечатывали фельетоны очевидцев процесса, добавляя к ним местные материалы о безуспешных попытках женщин вступить в сословие адвокатов. Вопрос не сходил со страниц газет в течение многих дней. Особое внимание ему уделила петербургская газета «Речь», в той или иной связи возвращавшаяся к нему почти повседневно, а также харьковская газета «Утро». Московская газета «Утро России», вышедшая первым номером 15 ноября 1909 г, поместила нашумевший и перепечатанный многими газетами фельетон «Сестры Флейшиц» (по пути Е.А. шла и ее младшая сестра), а кроме того, дала и портрет молодой, строгой на вид женщины «в скромном черном платье» с подписью: «адвокаторша Флейшиц».

Когда Е.А. готовилась стать адвокатом, она, конечно, надеялась добиться доброго имени, может быть, мечтала о славе лучших современных ей адвокатов-мужчин. Однако слава пришла к ней внезапно, без всяких усилий с ее стороны, в один день, но какая же горькая слава!

Оценка выступления Е.А. в газетах определялась общей политической позицией газет, их отношением к женскому вопросу в целом.

За Е.А., а вместе с тем за женскую адвокатуру вступилась вся оппозиционная правительству печать всех направлений и оттенков. Против высказалась только реакционная пресса столыпинского правительства, придворной клики и субсидируемые казной «частные газеты», настоящую травлю Е.А. объявила черносотенная свора.

То обстоятельство, что в защиту Е.А. вступилась либерально-буржуазная и более умеренная пресса не может не смутить на первый взгляд современного читателя. Может быть, домогательство о допущении женщин к адвокатуре явилось одним их феминистских требований равноправия, которым марксисты-ленинцы всегда противопоставляли требования трудящихся женщин, идущих нога в ногу с мужчинами в борьбе

за свержение капиталистического строя? Но сомнение это рассеивается при сколько-нибудь углубленном его продумывании. Известно, что основной задачей социал-демократической, далее большевистской партии являлась борьба с капитализмом за полное переустройство общества, за уничтожение эксплуататорского строя. В то же время В.И. Ленин всегда отмечал необходимость участия партии в борьбе за демократию, за уничтожение средневекового варварства в стране.

В.И. Ленин всегда утверждал громадное прогрессивное значение демократии по сравнению с крепостническим строем[1]. Более того, не доверяя защиты демократических начал трусливой русской буржуазии, которая металась между революционными силами и реакционным правительством, а в решительные моменты становилась всегда на сторону последнего, В.И. Ленин считал, что пролетариат и его партия должны возглавить общенародную борьбу за демократию. Он совершенно отчетливо сформулировал соотношение задачи партии в борьбе с капитализмом и в борьбе за демократию.

«Мы должны, – говорил В.И. Ленин, – *соединить* революционную борьбу против капитализма с революционной программой и тактикой по отношению ко *всем* демократическим требованиям: и республики, и милиции, и выбора чиновников народом, и равноправия женщин, и самоопределение наций, и т.д.»[2]

Итак, равноправие женщин с мужчинами во всех областях государственной, общественной и семейной жизни есть общедемократическое требование, за которое партия должна была, согласно взглядам В.И. Ленина, в условиях царизма вести борьбу, подчеркивая при этом, что полного достижения их она считает возможным добиться лишь в результате ликвидации капитализма.

Феминистские требования равноправия с мужчинами выступали не как общедемократические требования, а как вступающие с ними в противоречие, именно с этими узкобуржуазными требованиями социал-демократия вела борьбу.

Допущение женщин к квалифицированному труду всегда являлось одним из существенных общедемократических требований, поддерживаемых социал-демократической, а позднее большевистской единственно последовательно демократической партией.

[1] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, с. 82.
[2] Там же, т. 27, с. 62.

Частным случаем такого требования являлась борьба за женскую адвокатуру. О том, что такой вывод следует из общего отношения большевиков к общедемократическим принципам, бесспорно свидетельствует начавшая выходить в мае 1912 г. легальная ленинская газета «Правда», дважды поддержавшая выросший из выступления Е.А. законопроект о допущении женщин к адвокатуре[1].

Сравнительно узкая проблема женской адвокатуры всколыхнула самые различные общественные слои. Вопрос об участии женщин в общественной и государственной деятельности имел в то время весьма существенное значение, так как в силу ряда исторических особенностей женщина отсталой России была в своих семейных и имущественных правах в более независимом положении, чем в ряде передовых капиталистических стран. Поэтому ограничения прав женщин на участие в общественной и политической деятельности представлялись особо нетерпимыми.

Вопрос о выступлении в суде Е.А. рассматривался оппозиционными газетами и в плане общекультурного отношения к женщине, и ввиду расширения сферы применения женского труда, и в связи с проблемой права женщин на высшее образование, и с точки зрения совершенствования самого правосудия, и как задача обеспечить материальную независимость женщин в семье и поднять ее роль в обществе. Разные были мотивы, но приходится только удивляться той общей убежденности в защите права женщины на адвокатуру, которую донесли до нас поблекшие страницы газет шестидесятилетней давности. Телеграмма вольнослушательниц юридического факультета Новороссийского университета приветствует Е.А. как «женщину-адвоката, на долю которой выпало первой выступить в борьбе за право судебной деятельности грядущих женщин-юристов»[2]. Женский прогрессивный клуб в Одессе благодарит суд за энергичную поддержку первого выступления женщины-адвоката[3].

Любопытно, что не только оппозиционные газеты всех оттенков и мастей, но и «С.-Петербургские ведомости», являвшиеся органом министерства просвещения, встали на позицию защиты права жен-

[1] Обзор заседания III Государственной думы, посвященного законопроекту о женской адвокатуре, с подробным изложением речи социал-демократического депутата («Правда» 25 мая 1912 г.); С е н и л ь с к и й, Равноправие женщин перед судом Государственного Совета («Правда 16 января 1913 г.).

[2] «Речь» от 11 ноября 1909 г.

[3] «Одесский листок» от 8 ноября 1909 г.

щины на участие в адвокатуре в противовес позиции, занятой Ненарокомовым и прокуратурой. Это объяснялось тем, что Министерство просвещения в это время готовило проект, который уравнивал права женщин и мужчин на высшее образование.

Но вот что было самым удивительным: в защиту женщины-адвоката стало даже суворинское «Новое время» – «неофициальный официоз правительства», или газета «Чего изволите», как ее назвал В.И. Ленин, всегда смыкавшаяся в своих позициях с официальными правительственными органами. На этот раз «Новое время» оказалось на стороне оппозиционных газет.

Особенный интерес представляет отношение к вопросу о женской адвокатуре крупнейших русских криминалистов того времени.

Сенатор и профессор И. Фойницкий заявил, что закон не препятствует допущению женщин к защите по доверенности, присоединившись, таким образом, к позиции, занятой судом. Он высмеивал филологические изыскания Ненарокомова, говоря, что «в законе часто встречается слово: «виновный». Значит ли это, что к преступным женщинам слово «виновный» неприменимо?»[1].

Горячо приветствовали женщину-адвоката на новом поприще адвокаты-мужчины, всеми силами отстаивая ее права. Но надо ли скрывать от современников, что и И.Я. Фойницкий, и крупнейшие адвокаты, такие как Н.П. Карабчевский[2], Шубинский[3] не надеялись на выдающиеся успехи женщины на этом пути, считая его слишком для них трудным. Но рядовую работу, по их мнению, женщины здесь, как и везде, вести могут.

Большой интерес и безусловно положительное отношение к вопросу о женской адвокатуре проявил также специальный юридический петербургский либеральный журнал «Право», который из номера в номер помещал информацию о событиях, связанных с несостоявшимся выступлением Е.А., а также отдельные статьи.

Положительному отношению всех степеней оппозиционных к правительству газет к женской адвокатуре сопутствовало столь же резко отрицательное отношение к поведению товарища прокурора Ненарокомова.

[1] «Русское слово» от 7 ноября 1909 г., «Новое время» от 7 ноября 1909 г.

[2] «Петербургская газета» от 9 ноября 1909 г.

[3] «Харьковская газета «Утро» от 17 ноября 1909 г.

«Голос правды» в статье «Фемида без повязки» от 12 ноября говорит, что «Ненарокомов плюнул в лицо суду», а поведение его было оценено даже «Новым временем» как «пакость» и вызвало суровую критику со стороны Фойницкого, «который тоже не из левых». Независимо от степени накала чувств в пользу женской адвокатуры профессора права и адвокаты признали поведение Ненарокомова совершенно недопустимым и заслуживающим строгого наказания.

Как выяснилось впоследствии, инициатива срыва выступления Е.А. исходила непосредственно от министра юстиции И.Г. Щегловитова. Узнав из заметки в газете «Речь» от 1 ноября о приеме в помощники присяжного поверенного женщины – Е.А. Флейшиц, он потребовал от прокурора Петербургской судебной палаты Чаплинского (будущего обвинителя по делу Бейлиса), чтобы выступление небывалого защитника не состоялось. Задачу сорвать судебное заседание, в котором будет защищать женщина, взял на себя товарищ прокурора Ненарокомов, человек талантливый, но решивший на этом деле сделать себе карьеру.

Вот какие силы привела в действие своим предполагаемым выступлением Е.А.!

Ну, а теперь перейдем к рассмотрению той реакционной прессы, которая пришла на помощь министру юстиции и прокуратуре. Тон выступлений этого рода задала петербургская реакционно-монархистская «частная» газета «Свет» в статье от 7 ноября «Закон и захватное право».

Основное положение этой статьи состоит в том, что, пользуясь неясностью закона по вопросу о женской адвокатуре, женщины средствами «захватного права» хотят протиснуться в свободные профессии. «Авось удастся обойти закон и окольным путем проникнуть в храм Фемиды, где присутствие женщин может только отрицательно отразиться на ходе дел». При этом статья недвусмысленно намекает на нерусскую национальность ряда женщин, претендующих на допущение их в адвокатуру. Соответственно речь Ненарокомова характеризуется как «талантливая и исчерпывающая вопрос».

Ход рассуждения газеты «Свет» при всей его бедности и сбивчивости полностью воспроизводится правительственным официозом, полицейской газетой «Россия» от 8 ноября 1909 г., а также официальным «Правительственным Вестником», который прямо, лаконично высказал свое суждение по этому вопросу устами В.Ф. Дейтриха, члена Государственного Совета, бывшего прокурора СПб., судебной палаты, занятого в дни обсуждения выступления Е.А. тем, чтобы окончательно

сломить самостоятельность Финляндии после разгрома финляндского сейма и поставить ее на колени. В интервью, данном им «Новому времени», он утверждает, что закон не допускает женщин к уголовной защите и что появление на скамье присяжных Е.А. было произведено явочным порядком. Он полностью оправдывает уход из суда прокурора, так как иначе состоялся бы незаконный процесс.

Но все, что написано в газетах «Свет», «Россия» и «Правительственный Вестник», бледнеет перед выступлениями черносотенных газет, совершенно потрясающих современного читателя своей наглостью и циничной ложью.

В этих газетах задача подавления женского равноправия сочетается с антисемитскими погромными выходками. В основе их все тоже «захватное право», которым женщины якобы пытаются проникнуть в адвокатуру.

В петербургской газете «Русское знамя», официально именуемой «Вестник союза русского народа», за 8 ноября опубликован фельетон Д. Булатова, в котором он пишет: «Устав уголовного судопроизводства составлен 45 лет тому назад, когда никто не подозревал, что народятся какие-то феминистки, претендующие на звание адвокаток, профессорш и губернаторш.

Понятно, что в этом Уставе нет прямого запрещения женщинам быть адвокатками, ибо вводить такое запрещение никому не приходило в голову так само, как не приходит в голову делать в Уставе оговорку, что адвокатами не могут быть обезьяны». Но затем появилось «женское движение», ставящее целью уравнение женщин во всех правах с мужчинами. Тут автор переходит «к главному». «В обход существующего законодательного порядка феминитски-адвокатки задумали бесцеремонно, как ни в чем ни бывало, приступить к никем не разрешенным им обязанностям».

Их «притязания совсем было увенчались успехом: судьи уже сдались и постановили допустить Флейшиц к защите, но непреклонность товарища прокурора Ненарокомова, отказавшегося от исполнения обязанностей по причине явно незаконного постановления суда, провалила затею. Счастье, что в Пететрбургском окружном суде нашелся стойкий прокурор».

К позиции «Русского знамени», естественно, присоединился московский орган «русских монархистов» газета «Вече» (10 ноября 1909 г.).

Но, пожалуй, всех черносотенцев превзошел С.К. Глинка-Янчевский, редактор газеты «истинно русских» «Земщина». Отдав дань героичес-

кому подвигу Ненарокомова, он обрушивается на судью Таканцева, который, по его мнению, должен быть привлечен к самой строгой ответственности за то, что он «пошел на ура», попирая закон, сорокапятилетний обычай и вполне обоснованный протест прокурора»[1]. «Только этого недоставало для счастья России, – пишет он, – чтобы какая-то Флейшиц устраивала в наших судах свои дебаты».

И уже в полную меру он высказывается в другой статье, посвященной отрицательной роли женщины-защитника в суде[2]. Тут речь идет и о том, что женщина по своему складу всегда пристрастна, и о том, что судьям трудно устоять против женского обаяния адвокатессы, даже если она вполне порядочная женщина. Но главная опасность состоит все же не в этом. До сих пор речь шла о порядочной женщине. «Но представьте себе развратницу, одаренную красотой, которая будет служить предметом любовных столкновений и которая задумает торговать своим телом! Не обратиться ли суд в грязную клоаку, где к служебным интригам прибавятся еще любовные интриги?»

Говоря мимоходом, что он не может ничего плохого сказать о г-же Флейшиц, все же отмечает фривольность ее туалета в суде, причем для него остается неясным, было ли это просто кокетством или желанием обольстить присяжных заседателей.

Позвольте, а как же «простое черное платье», отмеченное в статьях свидетелей – корреспондентов «Биржевых Ведомостей», «Речи» и «Петербургской газеты»? Как же сдержанная, краткая и без аффектации речь Е.А. Ф., отмеченная ими же?

Столичных черносотенцев поддерживают провинциальные. На имя Ненарокомова поступает адрес от «истиннорусских» из Астрахани, в котором выражается благодарность Ненарокомову за то, что он «с мужеством, свойственным всем верным слугам самодержавия, отразил затею захватным правом отдать суд в руки женщин-масонов» (!)[3].

Наконец, выступает сам В.М. Пуришкевич – основатель и почетный председатель Союза русского народа им. Михаила Архангела, вождь черной сотни, думский шут, скандалист и сквернослов, который охарактеризован В.И. Лениным как «дикий помещик и старый держиморда», славящийся «погромно-хулиганскими выступлениями»[4]. О его

[1] «Земщина» от 7 ноября 1909 г.

[2] «Земщина» от 14 ноября 1909 г.

[3] «Речь» от 8 ноября 1909 г.

[4] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, с. 435.

отношении к женщинам можно судить также по словам В.И. Ленина, писавшего, что «нельзя же, в самом, деле, не вызывая смеха у людей грамотных и не порождая путаницы в умах безграмотных, добиваться приличного отношения к женщинам и неудобства употреблять «нецензурные» изречения у Пуришкевича»[1].

В дни, когда пресса обсуждала выступление Е.А., Пуришкевич был особенно зол на женщин. Дело в том, что незадолго до этого события он направил частное письмо А.П. Философовой, одной из наиболее видных деятельниц женского движения, чрезвычайно много сделавшей для развития женского просвещения. В этом письме содержались такие непристойные выражения, что суд по жалобе А.П. Философовой вынужден был приговорить Пуришкевича к месяцу заключения в тюрьме, которое было заменено по «высочайшему повелению» недельным домашним арестом[2]. Непосредственно после выступления Е.А. он послал приветственную телеграмму Ненарокомову, опубликованную 8 ноября церковно-черносотенной петербургской газетой «Колокол». В ней Пуришкевич выражал Ненарокомову «чувство глубочайшего уважения по поводу отказа участвовать в заседании суда, где защитником выступала впервые в России баба. Выступление женщины на арену публичной борьбы – первый шаг к развалу семьи, а также и государства».

Ко всем прочим своим «достоинствам» Пуришкевич был еще поэтом-графоманом. Поэтому он направил лично Е.А. акростих, в котором начальные буквы строк, сложенные вместе, составили оскорбительные для национального достоинства ругательство.

Но все это было отнюдь не концом того пути, который пришлось пройти Е.А.

Раньше всего ждали реакции «сверху» на незаконные действия прокурора. Но дни шли, а ее все не было. Это волновало и возмущало либеральную прессу[3], в дело вмешалась и специальная юридическая печать. Журнал «Право» (ноябрь 1909 г., № 46) был поражен, что «ни суровое осуждение поведения Ненарокомова таким знатоком теории и практики, как проф. И.Я. Фойницкий», и ни что другое «до сих пор не мешает Ненарокомову смотреть героем и паладином права».

[1] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 20, с. 359.

[2] «Сибирь» (Иркутск) от 8 ноября 1909 г.

[3] «Речь» от 10 и 13 ноября 1909 г., «Утро» (Харьков) от 12 и 13 ноября 1909 г.

Но если высшие органы юстиции не спешили с наказанием Ненарокомову (которого, конечно, и не последовало), то они предприняли сверхсрочные шаги для того, чтобы денонсировать определение суда, допустившее женщину к уголовной защите. Министр юстиции И.Г. Щегловитов сделал запрос (рапорт) в Сенате о праве женщин выступать в суде и одновременно обер-прокурор представил Сенату для отмены определение XI отделения Петербургского окружного суда о допущении в качестве защитника подсудимого Пантофилова женщины – Е.А. Флейшиц.

Глубоко секретным было заседание Соединенного присутствия I и Кассационного департаментов Правительствующего Сената от 13 ноября 1909 г., рассмотревшее представление обер-прокурора и вынесшее по нему определение за № 858, которое не было опубликовано в обычном порядке в приложениях к «Сенатским Ведомостям», а доведено до сведения лишь председателей и прокуроров судебных палат и притом только в резолютивной части в циркуляре министра юстиции[1].

Так возникло «дело г-жи Флейшиц», которое было предметом обсуждения в законодательных, судебных органах, в юридической периодике вплоть до последних дней царского «правосудия».

Оно нашло место и в учебной литературе[2], и среди ныне здравствующих юристов, немало изучавших его на университетских курсах, а может быть, и «сдавших» его на экзаменах.

Сенат согласился с тем, что к уголовной защите может быть по выбору подсудимого привлечено любое лицо, которому не запрещено ходатайствовать по чужим делам, и что перечень лиц, которым запрещено заявлять судебное ходатайство, ни одним словом не упоминает женщин. Но, по мнению Сената, перечень этот не является исчерпывающим и, кроме того, отсутствие прямого запрещения в законе еще не дает достаточного основания для решения данного вопроса в положительном смысле. Исходным должен быть не запретительный перечень, а закон, который в положительной форме предоставляет право женщинам «ходить по судебным делам». Такое право им дано ст. 389 Учреждения Судебных Уставов, которое допускает хождение

[1] «Журнал Министерства юстиции», № 10, за 1909 г.

[2] И.Я. Фойницкий, Курс уголовного судопроизводства, т. 1, СПб., 1912, с. 15; В. Случевский, Учебник русского уголовного права, изд. 4, СПб., 1913, с. 228; Н.Н. Розин, Уголовное судопроизводство – пособие к лекциям, изд. 3, Петроград, 1916, с. 336.

по судам по доверенности родителей, супруга и детей. Этим и должно быть ограничено право женщины на защиту. Такой вывод, по мнению Сената, подтверждается общим духом русского законодательства, запрещающего женщине (Устав о службе, 1896, т. III, ст. 156) занимать служебные должности по найму, за исключением особо предусмотренных изъятий. Поскольку же суд под председательством Н.Н. Таганцева не установил родственной связи между Е.А. и Пантофиловым, постольку его определение о допущении Е.А. к защите является неправильным и подлежит отмене. В заключение говорится, что вопрос о допущении женщин к занятию адвокатской деятельностью может быть поставлен в законодательном порядке.

Несмотря на секретность заседания Сената от 13 ноября 1909 г., сведения о нем немедленно поступили во все газеты и, разумеется, вызвали противоположные отклики.

«Русское знамя» ликовало. Оно поместило сообщение о заседании Сената на первой странице за 14 ноября и прокомментировало его в своем обычном стиле.

Оппозиционная пресса была определением Сената возмущена, хотя и ожидала именно подобного решения вопроса. Кроме того, она обратила внимание на одно любопытное обстоятельство. Дело в том, что Сенат впал в противоречие со своим собственным еще свежим в памяти определением по аналогичному случаю.

С недоуменным вопросом по этому поводу обратился к одному из сенаторов пользующийся большим влиянием в правительственных кругах редактор реакционной петербургской газеты «Гражданин», князь В.П. Мещерский. Сенатор ему цинично ответил: «...тогда Сенат был либеральным и руководствовался законом, а теперь стал консервативным и сообразуется с тем, что скажет его превосходительство г-н министр юстиции. А так как от министра зависят награды и лучший департамент, то лучше сообразоваться с министром, чем с законом»[1].

Вспоминается также, что по вопросу о праве женщин представительствовать на суде изменил мнение и сам министр юстиции И.Г. Щегловитов. Хотя будучи судебным деятелем, он высказался в пользу того, что женщина по русским законам может выступать в качестве защитника. В статье «Заметки из уголовной практики мирового съезда»[2]

[1] «Речь» от 27 ноября 1909 г.

[2] «Журнал гражданского и уголовного права», кн. 5, 1887, с. 26.